

МЫ ЗНАЕМ,

ЧТО ТЫ

ПОМНИШЬ

ТУВЕ АЛЬСТЕРДАЛЬ

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

A57

Tove Alsterdal

ROTVÄLTA

Copyright © Tove Alsterdal, 2020

Published by agreement with Ahlander Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© К Petro, Kriachko Oleksii/ Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Альстердаль, Туве.

A57 Мы знаем, что ты помнишь / Туве Альстердаль ; [перевод со шведского Е. Ю. Савиной]. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция).

ISBN 978-5-04-118965-5

Улофу Хагстрёму было всего четырнадцать, когда он признался в убийстве и изнасиловании девочки-подростка Лины Ставред. Тело жертвы так и не нашли, а преступник оказался слишком юн, чтобы получить реальный тюремный срок. Поэтому его отправили в интернат для трудных подростков. С тех пор для всего городка мальчик и его семья стали изгоями. Однако двадцать три года спустя Улоф все-таки решил вернуться в родной дом. Только там его ждало жуткое открытие: разлагающееся в ванной тело отца.

Для офицера полиции Эйры Шьёдин расследование этой подозрительной смерти воскрешает забытые ужасы прошлого. Ей было девять, когда Улофу предъявили обвинение. Она до сих пор помнит страх, окутавший все ее детство. И вот теперь мальчик из ночных кошмаров вернулся, принося с собой новые беды.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

© Савина Е. Ю., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-118965-5

Впереди громадной тенью высилась гора Скулебер-
гет — гора разбойников. На краю поля зрения про-
мелькнула и пропала бензоколонка, снова потянулся
ельник. Последние двадцать миль ему нестерпимо хо-
телось в туалет.

Свернув с шоссе на проселочную дорогу, он вы-
брался из машины и шагнул на обочину, в буйно цве-
тущие заросли.

Повернулся лицом к лесу и облегчился.

Было что-то такое в окружавших его запахах. Цве-
ты вдоль дорожной канавы. Сырость в траве и дымка
тумана в вечернем воздухе. Лютики, иван-чай и лес-
ной купырь, вымахавший высотой в метр. Еще, ка-
жется, луговая тимopheевка — он узнал только те рас-
тения, что были ему знакомы.

Зимой почва промерзла, асфальт совсем растрескался
и превратился в щебень. Через несколько миль он мог
бы свернуть налево и снова вернуться на трассу Е4, крюк
вышел бы совсем небольшой. Его взгляду открылась ве-
личественная панорама — зеленые холмы и волнистые
долины, было в этом что-то волнующее, словно смо-
тришь на теплые мягкие аппетитные женские формы.

Он ехал мимо спящих ферм и заброшенных до-
мов. Мимо озер, с поверхностью настолько гладкой и

неподвижной, что отражавшийся в ней лес выглядел как самый настоящий. До самой последней веточки. Когда-то он стоял на этой самой горе, глядел сверху на безбрежные Одаленские леса, и казалось ему, что нет им ни конца, ни края.

За всю дорогу, до самой развилки в Бьертро, ему не встретилось ни одной машины. Он узнал желтую дощатую хибару, маячившую впереди. Теперь внутри за пыльной витриной виднелся только строительный мусор, однако вывеска, говорившая о том, что здесь когда-то был продуктовый магазин, осталась. Улофу вспомнились сладости по субботам, вкус желейных лягушек и соленой рыбы. На очередном повороте он свернул не в ту сторону, углубляясь все дальше в дебри. До утра он в любом случае успеет добраться до северных пригородов Стокгольма, босс все равно еще будет спать, и никто не станет сверять часы или выяснять точный расход бензина. Дополнительные полмили большой роли не сыграют. Улоф всегда сможет сослаться на дорожные работы и жилые прицепы дачников и отдыхающих, массово рванувших на природу, — всем известно, на что похожи шведские дороги летом.

Это время. Конец июня.

Эти запахи, и этот свет. У него пересохло во рту и обмякли ноги. Все, что он видел и чувствовал сейчас, все было точь-в-точь таким, как тогда. Когда занятия в школе заканчивались и начиналась скука. Самые длинные дни в году, когда он словно выпадал из времени. Когда Улоф вспоминал об этой поре, ему казалось, что все происходило в сумерках в пасмурный день, хотя тогда тоже должно было быть светло, как сейчас. Эта бесконечная белая ночь, бледные полумночные часы, когда солнце лишь слегка окунается за горизонт, чтобы вскоре вынырнуть вновь.

Он ехал мимо того, о чем забыл или просто не вспоминал. И все же оно все это время было здесь. Большой, выкрашенный желтой краской дом, в котором жили горожане, приезжавшие сюда на лето с детьми. Им еще не разрешалось гонять на великах по сельским дорогам. Ферма в стиле американского ранчо с причудливой верандой и выгонами, где топтался табун беговых лошадей, тупо пялившихся на дорогу. Белые пластиковые тюки с сухой травой на сеновалах, куда можно было взбираться и играть в царя горы, а еще по левой стороне там была береза, возле которой он сбавил скорость и свернул. Дерево вымахало до невероятных размеров. Ветви с ярко-зелеными молодыми листочками свисали чуть ли не до земли, заслоняя собой почтовые ящики.

Но он и без того знал, где находится нужный ему, из серого пластика, третий в ряду. Из прорези торчала газета. Улоф выбрался из машины и подошел, чтобы прочесть фамилию на почтовом ящике.

Хагстрём.

Отмахнувшись от комаров, он вытащил последний выпуск «Тиднинген Онгерманланд», под ним лежали еще два сложенных номера, вот почему верхнему не хватило места. Реклама оптоволоконных сетей связи, счет от местной коммуны Крамфорс. Кто-то продолжал здесь жить, получать почту, газету, платить за воду и вывоз мусора или что еще там было. Его пробила дрожь, когда он прочел имя адресата.

Свен Хагстрём.

Улоф запихал все обратно в почтовый ящик. В машине из брошенного на пол пакета достал шоколадное печенье и сунул в рот, чтобы успокоиться. Запил банкой энергетического напитка и прихлопнул комара, который пробрался внутрь салона. Тот уже успел

насосаться от пуза — на кожаной обивке сиденья расползлось красное пятно. Он оттер его с помощью слюны и туалетной бумаги, после чего медленно покатил дальше по старой тракторной колее. Было слышно, как по днищу скребет трава, машина то и дело подсакивала, попадая колесами в ямы. Мимо дома, где жил Стринневик, и серого, спрятавшегося в зелени сарая. Дорога пошла под уклон, потом резко в гору, и наконец он достиг вершины, где тьма ельника заканчивалась и природа распахивалась навстречу реке и просторам. Знакомый красный дом проплыл мимо, но Улоф глянул на него лишь краешком глаза. Посмотреть на него прямо у него не хватило духу. В конце дороги он повернул и медленно покатил обратно.

Краска вокруг окон облупилась. Машины он не приметил, но ведь она могла стоять в гараже. Участок вокруг дровяного сарая порос высокой травой вперемешку с тонкими, торчащими из земли веточками, которые вскоре обещали превратиться в густую древесную поросль.

Почему-то Улофу казалось, что все здесь должно быть другим: заброшенным и пришедшим в упадок или проданным чужим людям.

Но на деле ничего из этого вроде бы не случилось.

За мусорным баком он притормозил и заглушил мотор. Вся лужайка перед домом была усыпана желтыми одуванчиками. Он вспомнил, с какой силой ему приходилось дергать их, чтобы выполоть все подчистую. Спешил убрать, пока цветы не превратились в белые головки и семена не разлетелись с ветром, рубил их тяпкой под корень, чтобы ростки не появились вновь. В этих воспоминаниях его руки были совсем тощими. Улоф уставился на свои широкие ладони, когда снова включал зажигание.

Над верхушками елей поднималось солнце. Его лучи отразились в зеркале заднего вида и блеснули ему в глаза. Он зажмурился. И увидел ее перед собой. Или внутри себя. Было неясно, где именно она находится, но он увидел ее именно такой, какой видел все эти годы, каждую ночь. Если ему не удавалось уснуть сразу, вусмерть пьяным, измученным или полумертвым от усталости, то он видел ее всегда, раз за разом, как она идет в этот лес. Она бродила внутри него и снаружи. Так близко, совсем неподалеку отсюда, там, где река.

Этот ее взгляд, когда она сворачивает на тропинку. Ему кажется или она как-то по-особому улыбается ему? Машет ему рукой? Идем же, Улоф, идем! Неужели это в самом деле предназначалось ему?

А еще эти голоса вокруг, вонь бензина от форсированных движков мопедов и дым сигареток, удерживающих комаров на расстоянии.

Гляди-ка, Улоф, а у тебя, кажется, встал. Давай двигай скорей за ней. Ты не думай, Лина вовсе не ледышка. Иди же, неужели не видишь, что она хочет. А может, он педик, а, ребята? Эй, Улоф, ты когда-нибудь целовался с девчонкой или только чмокаешь в щечку свою мамочку?

Ну же, Улоф, иди скорей! Что, никогда этого не делал? Ну так это просто. Просто сунь ей руку под футболку и как следует возбуди ее, пока она не успела прочухаться.

Их голоса продолжают звучать у него в голове, пока он идет по тропинке. Подол платья развевается впереди, желтая кофточка мелькает между ветвей.

Лина.

Нежные, как бархат, руки, такая смеющаяся, пахнущая крапивой, заросли которой обжигают икры,

тучи комаров и эти сволочи слепни, кровь на ее руке, там, где он прихлопнул одного, и ее смех — спасибо, Улоф, какой же ты герой. Ее губы так близко. Он думает о том, какие они мягкие, словно мох, влажные, податливые, как он впивается в них. Вторгается языком в рот, прежде чем она снова начнет болтать, и слышит голоса ребят в голове. Ты гляди, говорят они, некоторые телки способны проболтать всю ночь, упустишь момент, так и останешься на всю жизнь всего лишь друзьями. Нет уж, дудки, руки на грудь, мни и ласкай, возьми соски в рот, им это тоже нравится. Делай все так, как будто ты здесь хозяин. Главное, черт возьми, не сомневайся, девчонки любят строить из себя недотрог, щипаться и царапаться, когда на самом деле они влажные, возбужденные и только того и ждут, чтобы их взяли, но нельзя просто так трясти своим хером, нужно все делать по науке. Запускаешь пальцы в трусики и ласкаешь вагину, ну а потом заслонка открыта и давай газуй, поехали. Врубаешься, да?

А потом Улоф лежит в зарослях крапивы, а она возвышается над ним. Она повсюду.

В машине нечем дышать, только духота и жар, ему нужно скорее на свежий воздух.

Утренний туман окутал тонкой дымкой бухту внизу. На противоположном берегу реки высятся вечные горы, в небо из труб фабрики в Вэйя поднимаются столбы дыма. В тишине он различил шелест осин — ветерок такой слабый, что его почти не слышно, — и тяжелое гудение шмелей среди цветов люпина и ромашки. А потом до его ушей донесся скулеж. Жалобный такой, словно от раненого или попавшего в беду зверя. Звук шел из дома. Улоф попробовал бесшумно преодолеть несколько шагов и вернуться обрат-

но к машине, пока собака не обнаружила его присутствие, но с такими габаритами, как у него, по сухой траве и сучьям, трещащим под ногами, это было невозможно. Он услышал вокруг себя пронзительное пение комариной стаи, и собака, конечно же, тоже его услышала и залаяла внутри как безумная. Царапаясь и подвывая, она бросалась на стену или дверь. Это напомнило ему неистовый лай охотничьих собак, как они свирепо кидались на решетку своих вольеров, когда кто-нибудь проезжал мимо них на мопеде. Полицейские ищейки. Как они носились вдоль реки, вынюхивая следы Лины. Их лай вдалеке, когда они обнаружили ее вещи.

Ему стоило сесть в машину и как можно скорее уехать отсюда, пока старик не проснулся и не заметил у себя на участке постороннего. Кто его знает, вдруг он схватится за свое охотничье ружье, то самое, которое когда-то доводилось держать Улофу, но которое никогда не устареет настолько, чтобы из него невозможно было выстрелить. Воспоминания внезапно обрушились на него: цвета, мебель, выкрашенная зеленой краской лестница, обои с цветочным мотивом, постель наверху, в каморке под скошенной крышей, которая принадлежала Улофу.

А потом он заметил воду, которая тихонько сбегала по внешней стороне фасада. Неужто трубу где-то прорвало? И почему пес заперт в доме? Было слышно, что он находится не в сенях возле входной двери, что было бы естественно для охотничьего пса, да и вообще для любой собаки — лай доносился откуда-то из глубины дома. Кажется, из кухни, которая находилась в дальнем конце прихожей. Через окно Улоф увидел голубые панели на стенах, белые дверцы посудного шкафа, кастрюлю с едой на плите.

Должно быть, пес был один. Потому что вряд ли найдется человек, способный так крепко спать и ничего не слышать.

Он вспомнил про камень, круглый камешек возле угла дома. Когда он поднял его, несколько мокриц бросились наутек. Ключ по-прежнему лежал там.

Очень трудно попасть ключом в замочную скважину, когда трясутся руки. У Улофа не было никакого права отпирать дверь. *Ты же знаешь, что они прекратили всякое общение с тобой.*

Его встретил особый, ни на что не похожий запах родного дома. Ощущение, что он снова стал ребенком. Портрет старика с пышными усами, взирающий на всех сверху, какой-то премьер-министр столетней давности — теперь их глаза оказались на одном уровне. А еще там была скамеечка с подушкой на сиденье, чтобы на ней разуваться, половики, сотканые руками бабушки по отцу. Сейчас их едва было видно из-за сваленных друг на друга и разбросанных как попало вещей на полу: инструменты, рыбацкие снасти, утварь, между которыми оставался лишь узкий проход, тянувшийся через всю прихожую. По бокам громоздились ящики с пустыми банками и бутылками. Его мама никогда бы не позволила скопиться таким завалам.

Когти стучали и скребли по дереву. Улоф оказался прав, пес действительно был заперт на кухне. Дверь для надежности подперли черенком от швабры. Несмотря на щемящую душу тоску, которую вызвали в нем окружающие его предметы, Улоф сразу подумал, что ни один человек не имеет права поступать так со своей собакой.

Он выдернул швабру и, когда дверь распахнулась, отскочил назад. Швабру он держал в руке на тот случай, если придется обороняться от собачьих зубов,

но черное существо пулей пронеслось мимо него, на встречу долгожданной свободе. Вонь мочи и собачьего дерьма преследовали пса по пятам, уже успев впитаться тому в шкуру. Вот бедняга.

А потом Улоф увидел, что вода бежит из ванной. Она просачивалась между дверью и порогом, заливала половики в гостиной и образовывала на коричневом линолеуме маленькие речушки и озера.

Метка на маленьком поворачивающемся замочке на двери ванной светилась белым, а не красным, как это бывает, когда внутри кто-то есть. В детстве Улоф научился запираться в тубзике и сидеть там с комиксами — без этого никуда, если у тебя есть старшая сестра-зануда, которая вопит, что ей срочно нужно попасть внутрь.

Он распахнул дверь, и ему на ботинки хлынул целый поток воды.

В воде вперемешку с грязью плавали губка, волосы и дохлые мухи. Полосатая душевая занавеска была задернута. Ступив внутрь, Улоф почувствовал, как ему в носки просачивается холодная вода. Прежде чем убраться отсюда, он мог хотя бы попытаться перекрыть воду, чтобы дом совсем не смыло. Улоф отдернул душевую занавеску.

В ванной сидел человек. Неестественно изогнутое тело, обвалившееся на стул странной конструкции. Улоф все видел, и в то же время у него в голове не укладывалось. Старик просто свисал со стула, безвольно обмякнув, белый-пребелый. В окно светило солнце, и в его лучах кожа старика сверкала и поблескивала, словно рыба чешуя. Мокрые пряди волос прилипли к голове. Улоф сумел сделать еще один шаг вперед, чтобы добраться до вентиля, и душ наконец перестал изрыгать из себя воду.

В наступившей тишине было слышно только его собственное хриплое дыхание и жужжание мух, бьющихся в оконное стекло. Затихающий звук капающей воды. Он не хотел больше на это смотреть, в то же время не мог заставить себя отвести глаза. Голое тело притягивало его взгляд, намертво приковывая к себе. Опухшая кожа, казалось, существовала отдельно от тела, на спине расплзались зеленоватые пятна. Улоф крепко ухватился за раковину и еще ближе наклонился вперед. Глаз мужчины он разглядеть не смог, но на мощном носе виднелась знакомая шишка, полученная еще в юности после удара клюшкой для хоккея с мячом. Между ног — изогнутый, как червяк, пенис.

В этот момент раковину сорвало со стены. Жуткий грохот, словно рухнул дом. Улоф пошатнулся и потерял равновесие. Шлепнулся в воду и ударился головой о стиральную машину. Пытаясь подняться, поскользнулся и грохнулся снова.

Кое-как выполз на карачках из ванной и встал на ноги.

Скорее вон отсюда.

Он захлопнул входную дверь и запер ее. Положил ключ обратно, где взял, под камень, и, изо всех сил стараясь шагать ровно, как можно быстрее добрался до машины, завел мотор и сдал назад, попутно задев мусорный бак.

Так помирают многие пожилые люди, думал он, пока машина катилась прочь, а сердце колотилось в груди, грохотом отдаваясь в висках. Прихватит сердце, или, там, инсульт случится, и все. Человек упал и умер. Полиция подобными вещами не занимается. Таких одиноких стариков много, некоторых вообще находят не раньше чем через несколько лет.

Но зачем, спрашивается, он запер пса?

Улоф резко затормозил. Прямо перед ним посреди дороги стоял пес. Еще десять метров, и он бы задал этого бедолагу. Пасть открыта, язык свешивается наружу, сам весь черный, глаза горят, шерсть на загривке вздыблена. Пес явно появился на свет в результате разгульных собачьих свадеб на природе. Голова как у лабрадора, шерсть как у заросшего терьера, уши торчком.

Улоф заглушил мотор. Машину следовало доставить целой и невредимой. Красавец «Понтиак», настоящая находка, совсем скоро он должен оказаться перед гаражом босса, с ключом, спрятанным в оговоренном месте.

Пес не двигался.

Если он начнет сигналить, то услышат соседи и тут же свяжут одно с другим, поэтому он вышел из машины и попытался жестами и шипением отогнать пса. Пес продолжал молча на него таращиться.

— Да проваливай же ты, чертяка, — прошипел Улоф и швырнул палку прямо в пса. Пес на лету поймал ее, прыгнул вперед и, положив палку к его ногам, энергично замахал всей своей задней частью, словно жизнь была для него всего лишь веселой игрой. Улоф схватил палку и зашвырнул ее как можно дальше в лес. Пес ломанулся за ней через заросли черничника. Но только Улоф снова собрался сесть в машину, как услышал сзади шаги по гравию.

— Классная тачка, — произнес чей-то голос за спиной. — Ни за что бы не подумал, что в этой дыре можно встретить подобное.

Быстро и легко ступая, к нему приближался незнакомый мужчина, одетый в короткие шорты, тенниску и белые спортивные туфли. Подойдя, он одобритель-